

Антон Платов

ГНЕЗДО ФЕНИКСА

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
ПЗ7

Платов, А.

ПЗ7 Гнездо Феникса / А. Платов. – М. : Т8RUGRAM / РИПОЛ классик, 2017. – 254 с.

ISBN 978-5-519-61491-7

«Гнездо Феникса» – книга о Пути и Силе, делает вызов искателям и странникам современного мира.

Автор раскрывает картину близкого и отдалённого человечества с удивительно реалистичными вариантами развития событий.

Книги Андрея Платова становились пророчествами. За ними стоит сакральная традиция, несущая в себе возможность изменения нашей реальности.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
ВІС FM
BISAC FIC009010

ISBN 978-5-519-61491-7

© Т8RUGRAM, оформление, 2017
© Платов А. В., 2015
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

Замечание автора

ЗЕМЛЯ, 2015

События, описанные в этой книге, происходят для современного ее читателя как в прошлом, так и в будущем — в ближайшем и в весьма отдаленном. Поскольку же писалась эта книга в общей сложности почти полтора десятилетия, понятия «прошлого» и «будущего» в ней оказались весьма размыты. А многое из того, что когда-то являлось прогнозом или попыткой предвидения, сегодня выглядит совсем иначе.

При подготовке книги к печати я не стал менять ничего из написанного о наших днях тогда — в самом начале этого века. На удивление многое оказалось пророческим. И возвращение Крыма в Россию, и создание нового российского тяжелого/сверхтяжелого космического носителя в середине две тысячи десятых (я имею в виду «Ангару-А5/А7»), и многое другое.

Кое в чем я ошибся или неправильно определил дату. Так, Четвертое Транспортное в Москве пройдет все-таки внутри МКАД, а не снаружи, а российский трансатмосферный транспортник до сих пор не реализован. Еще раз замечу, что я принципиально не стал «подстраивать» написанный когда-то текст под реализовавшееся настоящее. За единственным исключением: я безжалостно вымарал все, что имело отношение к уже случившимся и продолжающим, увы, происходить трагическим событиям на Украине. То, что пять лет назад еще могло бы послужить предупреждением, сегодня приведет лишь к нагнетанию ненависти, которой и без того достаточно.

Тем более что эта книга, пусть и написанная как пророчество, — книга о магии, а не о политике.

ЧАСТЬ 1
ТРЕТЬЯ СТОРОНА
(Сказка о старых пароходах)

ЗЕМЛЯ, 1996

1

Пароход оказался старше, чем я думал, и значительно лучше. Он был просто замечательный.

Собственно говоря, не был он, конечно, пароходом в полном смысле этого слова — стоял на нем нормальный судовой дизель, работающий на банальной соляре. Но никакого значения это не имело.

Называть все моторные суда «пароходами» приучили меня в Севастополе, где я, окончив Университет, работал несколько лет на океанографических судах. Впрочем, забредший в севастопольскую бухту белоснежный пассажирский лайнер именовался теплоходом легко и свободно. Но уже впервые поднявшись на палубу первого своего гидрографа — местами обшарпанного, с пятнами темного корабельного сурика там, где облетела краска, — я сразу почувствовал, что у меня не повернется язык обозвать его теплоходом. Судно, корабль, «борт». Все, что угодно, но только не чистенькое и самодовольное «теплоход». И это мое ощущение оказалось верным. Позже я узнал, что все, начиная с кэпа и заканчивая помощником кока, называли судно по старинке, тепло и ласково — пароход.

Из Севастополя, вдоволь наплававшись по теплым южным морям, попал я в долгую командировку на север — на съемку низовьев и устья затерянной в лесах и болотах реки Кичуги. Новые коллеги, с которыми я познакомился еще в Москве, сразу предупредили, что плавсредство, которое нас ожидает, совсем «не то что в ЮжМорГео или в севастопольском институте». После чего я живо представил себе разваливающийся на ходу рабочий катер, на каком ходил однажды во время студенческой практики. На деле же все оказалось совсем не так.

Судно, на котором мне предстояло проработать некий неопределенный срок, я увидел, когда мы наконец добрались до базы, расположенной в полусотне километров от устья Кичуги. Это, несомненно, был самый настоящий «пароход». Пусть и древний, как сама гидрография, плавучей рухлядью он не казался. При первом же знакомстве с ним у меня сразу возникло ощущение, что где-то я его уже видел. Вернее, я не подумал об этом, но — как-то почувствовал.

По хлипким сходням вместе со мной на борт поднялся начальник партии, чтобы познакомить меня с капитаном. Тот скрывался где-то в железных недрах парохода — «в машине», — и начальник мой покинул меня, чтобы вытащить капитана на свет божий.

Я остался на палубе. Прошел на корму, облокотился на перила и стал смотреть на темную воду Кичуги.

Перила! Вот тут-то и пробило меня воспоминание...

Конечно, этот пароход я видел впервые. Но зато я хорошо знал его брата-близнеца. Полные обводы; прямоугольная, похожая на домик с плоской крышей, рубка; плавно закругленная корма, какую не часто увидишь на современных судах этого типа, завершающихся резким обрывом транца. И перила на корме. Обыкновенные деревянные перила на стойках вдоль бортов — вместо привычных тросовых ограждений или фальшборта¹.

С близнецом этого патриарха северной гидрографии я познакомился в детстве. Назывался он, кажется, «Сергей Есенин» и лежал, полузатопленный, у берега Клязьмы, неподалеку от дебаркадера речной пристани. Когда-то он возил по реке немногочисленных пассажиров, а когда оказался слишком стар, очутился на теперешнем своем месте.

С берега — оттуда, где кончалась пробитая мальчишками в густом ивняке тропинка, на задранный над водой ют пароходика была перекинута доска. Перейдя по ней на борт отслужившего свое судна, можно было, облокотясь на эти самые перила, смотреть на воду и радоваться, ощущая под ногами настоящую палубу настоящего, пусть и не морского, судна. Сразу появлялось ощущение — я помнил его очень четко, — что вот-вот случится что-то такое...

Предавшись воспоминаниям, я и не заметил, как появились начальник с моим новым капитаном.

¹ Фальшборт — часть борта, поднимающаяся над палубой.

2

Работа мне понравилась. Впрочем, в поле — будь то в море или на суше — собственно работа по специальности настолько сливается с бытом, с отношениями с коллегами, а «рабочие» мысли — с «нерабочим» ощущением близости окружающей тебя природы, что разделить впечатления от всего этого бывает непросто. Здесь, на Кичуге, все было как-то спокойно, негромко, неброско: не вспыхивали под бортом светящиеся медузы, не отражался в черной воде невероятно яркий южный Млечный Путь, и штормовой ветер не бросал на фальшборт изумрудные валы, увенчанные шапками белой пены. Но уже спустя месяц я поймал себя на том, что думаю, как буду потом скучать по здешним темным лесам и серым рекам, по звенящим по камням ручьям и замшелым стволам поваленных деревьев. И, конечно, — по старому пароходу.

...Начальника партии мы видели нечасто. Большую часть времени он проводил либо на базе у наших сухопутных коллег-геологов, либо в далеком районном центре, откуда прилетал за ним геологический «борт» — вертолет. Приехавшие со мной москвичи появлялись на пароходе редко, только чтобы набрать полные ящики донных проб и потом неделю копать с ними на берегу. Так что на пароходе я неожиданно оказался почти суперкарго, то есть лицом, не подчиненным никому, кроме как себе самому, производственной необходимости и капитану — в случае опасности для судна.

С капитаном, сухоньким крепким стариком, я быстро нашел общий язык. Мы, заходя в небольшие притоки Кичуги, бороздили ее воды от базы и до устья и иногда даже не возвращались на базу на ночь. Такие ночи были особенно хороши. Вся команда парохода — я, кэп да двое пожилых матросов — собирались в маленькой кают-компании. Кэп доставал припрятанную поллитровку, а я — флягу спирта; неторопливо опускалась за иллюминаторами в медной оправе ветреная северная ночь, и был бесконечный чай и долгие разговоры...

И вот однажды, в один из наших рейдов, уже порядком изучив низовья Кичуги, я вдруг обнаружил неизвестную мне до тех пор протоку.

Был день, обычно-прохладный, с обычными же полуденными тучками. Мы шли вдоль правого берега. Я стоял в рубке возле кэпа и привычно посматривал вперед — на темную ленту реки и высокую стену дремучего леса на берегу. Какое-то странное кривое дерево задержало на мгновение мой взгляд, и тогда я увидел устье этой протоки.

По здешним меркам она была очень узка — метров десять шириной. Деревья по ее берегам росли чуть ли не из воды и низко склонялись к водяному зеркалу, почти закрывая над ним небо. Под острым углом уходила протока вглубь берега, и потому с реки увидеть ее можно было только с того места, где шел сейчас наш пароход.

Вода в протоке была темна и спокойна, будто зачарована, и даже волны, заходящие с реки, быстро гасли в ней. Лежала она словно некая дорога, и мне вдруг показалось, что сверни мы сейчас на эту дорогу, она приведет нас к тайным лесным озерам с волшебными островами и еще бог весть к каким чудесам.

Очарование это не рассеялось, даже когда пароход покинул то место, с которого протока была видна, и устье ее потерялось среди берегового леса.

Я спросил о протоке у кэпа.

— Да глухая она, — сказал тот, махнув рукой, — кончается через пару верст. Может, старица какая, может, еще чего...

Я был так обижен за свою зачарованную протоку, которая *не могла* быть глухой, что на этот раз не поверил своему капитану. Хмыкнув, я демонстративно достал карту, рискуя оскорбить кэпа в лучших чувствах, и, склонившись на ней, быстро отыскал протоку. Топография русла в этом районе была довольно простой, а масштаб карты позволял отыскать на ней и более мелкие детали, так что ошибки быть не могло. Протока действительно оказалась глухой и выглядела на нашей двухверстке сантиметровым червячком синего цвета.

Отчего-то это меня расстроило; подумалось даже, что можно остановить пароход, сказав кэпу, что нужны пробы донных осадков из той протоки. А после спустить лодку и... Но что-то остановило меня. Пожалуй, я испугался. Нет, не протоки, а того, что она может действительно оказаться глухой и что это будет грустно. Даже не грустно. Это будет обидно и тоскливо.